

ПЕСНЯ О ВЕТРЕ

КРАСИВЫЙ, сильный человек — таким остался Владимир Луговской в памяти всех, кто знал его. Запомнились и крутой разлет бровей, и гордая посадка головы, и звучный голос. Поэзии он был предан безраздельно, и если не писал стихов, то писал о стихах — и ничего больше. На стене его кабинета в Лаврушинском переулке висели клинки, сабли, ятаганы — они напоминали не столько о биографии, сколько о характере поэта. Он и в стихах своих оставался таким, не терпящим недомолвок, решительно предпочитая яркое, громко сказанное слово, крупный план, броскую деталь.

Поэт-лирик, он едва ли не превыше всего ценил в поэзии мысль, большую, значительную, мудрую. Когда-то он призывал к возрождению традиции философской поэзии, позднее говорил об «углубленности лирики, способности раздумья у наших поэтов». Он знал: поэт вправе рассчитывать на внимание читателя лишь тогда, когда говорит с ним о самом главном, самом важном.

Попыткой «кобобщить время» явилась книга жизни поэта — «Середина века». Она, по его словам, «представляет собой «автобиографию века», которая была пережита в душе радového участника великих событий столетия». Сказано точно и весомо: история, которая является движущей силой сюжета и книги в целом и каждой из составляющих ее поэм, воспринимается здесь как собственная жизнь, прекрасная и неповторимая. И еще стоит вспомнить такие важные для поэта строки из поэмы, открывающей его главную книгу:

«И все же ты лишь капля в океане Истории народа. Но она — В тебе. Ты — в ней. Ты за нее в ответе. За все в ответе — за победы, славу. За муки и ошибки. И за тех, кто вел тебя, За герб, и гимн, и знамя».

Другая мера ценностей, другая масштабы мысли и изображения — не для автора «Средины века». Книга эта — итог, но одновременно — пролог вечно начинающейся заново жизни. Недаром завершает книгу поэма «Юность», где, ничем не сдер-

живаемое, нарастает чувство радости. Тема революции, Ленина, возникшая в первой поэме книги, естественно встает здесь, страстно утверждается вечная молодость мира.

Для Луговского «поэзия — дело живое, темпераментное, острое». Так он начинал, на ноте предельно высокой: «И нам коллобродить по топям, порогам, по дубрям, болотам и тинам». Или еще: «Из яростной темноты черных вокзалов Москвы мы шли в громовом перестуке». Здесь едва ли не каждое слово — крупное, напряженное: разбушевавшаяся стихия выплескивается строками стихов. Стихия, разбуженная революцией, разлившаяся песней, частушкой, а сквозь нестройный гул-голосов все явственнее ощутима основная, организующая стих мелодия. С особенной силой прозвучит она в «Песне о ветре», сразу же запомнившейся, полюбившейся читателю. Поэт много раз возвращался к этой маленькой поэме, которая и для сегодняшнего читателя — словно бы частица той грозовой эпохи. Эпический размах рассказа о революции неотделим здесь от лирической проникновенности, поэтическое слово спрессовано, выносится на музыкальной волне. Поразительно многоголосьем оказывается в «Песне о ветре» время: марш сменяется песней, звучит частушка, сухая информация воспринимается как ликующий крик, и все завершается строго и сурово: «Стой! Кто идет? Кончено. Залп!».

В «Песне о ветре» Луговской нашел себя: до предела напряженная интонация, заостренная переживания, резкая выразительность образов, деталей, стремительно летящий ритм — все это позволяет автору стихотворения занять почетное место в советской романтической поэзии, так мощно представленной в пореволюционные годы.

Романтике Луговской не изменил до конца своих дней. Ярким, красочным предстал в его стихах мир: в напряжении противоборствующих сил, в буйном цветении. Точка отсчета здесь — революция: вновь и вновь возвращается к ней поэт.

У Луговского счастливо соеди-

няется эта романтическая возвышенность с героической обыденностью, традиции обретают у него новую питательную почву; исключительную роль сыграла при этом встреча поэта с Советским Востоком.

К середине 50-х годов у Луговского прочно сложилась репутация живого классика, у которого лучшее из написанного — в прошлом. Немногие знали, что уже более десяти лет поэт мучительно трудно работал над новым циклом поэм: подлинные масштабы этой работы ему самому тогда едва ли были ведомы. Но он работал много, упорно — и вот словно прорвало плотину и, долго сдерживавшаяся, хлынула стихия стиха. Подлинно стихия, ошеломившая не только читателей, но и поэта. «Осмысливание мира» — вот что объединяет теперь для него поэмы (а они в это время стремительно переделываются, пишутся заново в книгу, получившую название «Середина века»). Задача грандиозная, поэт, подступающий к ней, должен подняться до уровня мыслителя. Луговскому она оказалась по плечу.

Работа над «Срединой-века» еще не закончилась, а на рабочем столе поэта уже лежали стихи, которые должны были составить книгу «Синяя весна», вобравшую в себя все самое «значительное и испытанное» поэтом за сорок лет революции.

Этот могучий взлет таланта — вновь молодого, свежего, сильного, но теперь еще и мудрого — поразителен. Поэт словно торопится успеть сказать свое слово, согретое жаром сердца, оплаченное опытом всей жизни. Последними в стихотворении, которое он не успел окончить, были строки:

Удивительно радостный ветер
идет от реки.
Она настень открыты —
просторы
не знают тоски...

Ими завершается изданное посмертно трехтомное собрание сочинений поэта, но, может быть, это не завершение, а еще один заповедь в книге, которую всю жизнь писал Владимир Луговской.

Анатолий КАЛУГИН

Мой учитель

Вл. ЛУГОВСКОМУ

Азиатской душиной ночи
звезды
С неба падали, шипя,
в песок,
Саксаула спутанные гнезда
На заре подкрашивал восток:
В строчках,
раскаленных и поныне,
Он донес нам,
как поют пески,
Как по расступившейся
пустыне
Повели канал большевики...

Перестук колес,
как ямб двустопный,
И мостов напористый хорей...
Пестрота и теснота Европы,
Строгость красок
северных морей.

Свежий ветер
на родном просторе,
Жизнь врывалась в окна
на бегу...

А в стихах
олять забилось море,
Польхали факелы Баку...

Выходили строчки
на поверку,
Дагестаном, Каспием звуча.
В такт колес —
«Курсантская венгерка»
Кружит до сигнала трубача...

И когда читал
друзьям поэмы,
Били молнии...
Гудел металл...

И казалось,
что спящий демон
В небе
над Лаврушинским летал...

Евгений КАЗАНЦЕВ

ИЗ НЕОПУБЛИКОВАННОГО

Владимир ЛУГОВСКОЙ

СТИХИ РАЗНЫХ ЛЕТ

В архиве Луговского сохранилось немало неопубликованного, он любил цитировать Гёте: «В ограниченном мастер познается». Свято соблюдал Луговской и отцовский завет не спешить с печатанием своих стихов. Без ведома автора впервые, в 1924 году, их напечатал Луначарский, которому Луговской подарил свои ранние стихи.

Стихотворение, датированное 1923 годом, хотя и относится к ранним стихам поэта, но тем не менее написано в образной системе, характерной для зрелого Луговского. То же можно сказать и о других не публиковавшихся прежде стихах, которые печатает сегодня «Литературная Россия».

***

Молний бешеный гомон,
Мир пустеет и строже.
Путь железного грома
Над землею проложен.
В серых кепках природы
Дни с невидимым взглядом
И столетние своды
Ждут снарядного града.
Исполнинские ночи —
Страж у двери вселенной
Видит пламени ключья
На кричащих антеннах.
И, как призраки, летает
Легкий вихрь в березах,
И река золотая
Чешет влажные косы.
Птицы слушают ветер,
В небесах — тучеходы,
Непонятный и древний
Плач души о свободе...

1923 г.

***

Москва напрягается, когда с холма,
Холма Калиты, Иоанна, Малюты,
Летят, сотрясая дворцы и дома,
Громы торжественного салюта.
Плывут эскадрильи среди облаков,
Полотнища старых знамен алеют,

Недальки тугие квадраты полков
У каменнороброго Мавзолея.
Ты ходишь во мне, за сердце беря,
Горло сжимая, глаза туманя,
Насносная память расплат Октября,
Побед и свершений дорога прямая.
Ты славою суровой навеки легла
Вокруг этих стен и буреющих башен,
Когда пулемет, как тупая игла,
Пронизывал ключья
солдатских рубашек.

И цепи ложились и цепи ползали,
Пожары качались и стекла звенели.
Орлы императорской русской земля
Топорщились в тучах

Октябрьской шрапнели.
Дома на Неглинке, как свечи, горят,
Слабеет сухая горячка отпора,
Шестидюймовок брезенты скрипят,
Пробит белокаменный холод собора.
Так Кремль затихает перед концом,
Так в жерла ворот,

где века прошумели,
Вступают прошитые серым санином
Сырые колонны пальто и шинелей.

Красногвардейцы проходят в Кремль.
1930 г.

Весна

Опять, как прежде, холодок овражий.
Проталины. Грачи.
Туман полей.
Природа снова дышит

грудью влажной,
Тоскуя, ждет прилетных журавлей.
И скоро вспыхнет все могучим светом,
И синеза

взмахнет крылом небес,
В дрожащем воздухе,
как печь, нагретом
Как будто поплывает
далекий лес.

И зазвенит земля победным звоном
На смену зимней стылости тишине.
Шумящим облаком светло-зеленым
Волна лесов покатится к весне.
По рвам, окопам, блиндажам и дотам
Зашелестит веселая трава.
Победа жизни и ее работа
Вошла в свои законные права.
И край родной, поднявшись

ранним-рано,
Таорит и строит, вечно молодой,
Глубокие залечивает раны,
Плуги проходят тяжкой бороздой.
Мы вспомним тех,
чья дело продолжаем,
Весной полянам

в солище и труде,
Помянем их во время урожая,
Зимой полянам, солище провожая.
Долг отдадим их доблестной судьбе...

1948 г.

Публикация М. ЛУГОВСКОЙ